

Дом иллюзий

Автор:

Кармен Мария Мачадо

Дом иллюзий

Кармен Мария Мачадо

МИФ Проза

Достигнув эмоциональной зрелости, Кармен знакомится с красивой, уверенной в себе девушкой. Но под видом благосклонности и нежности встречает манипуляции и жестокость. С трудом разорвав обременительные отношения, она находит отголоски личного травматического опыта в истории квір-женщин.

Одна из ярких представительниц современной прозы, в романе «Дом иллюзий» Мачадо обращается к существующим и новым литературным жанрам – ужасам, машине времени, нуару, волшебной сказке, метафоре, воплощенной мечте – чтобы открыто говорить о домашнем насилии и женщине, которой когда-то была.

На русском языке публикуется впервые.

Кармен Мария Мачадо

Дом иллюзий

Оригинальное название:

IN THE DREAM HOUSE: A MEMOIR

Издано с разрешения Carmen Maria Machado acting in association with The Friedrich Agency и The Van Lear Agency LLC c/o Agentstvo Van Lear LLC

Редакция посчитала необходимым оставить в тексте перевода сцены упоминания запрещенных веществ, так как они важны для раскрытия сюжета и характера героев, а также по той причине, что их упоминание негативно окрашено и не может являться пропагандой.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

© 2019 by Carmen Maria Machado

This edition is published by arrangement with The Friedrich Agency and The Van Lear Agency

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

* * *

Если тебе нужна эта книга, она – для тебя

Мы нагромождаем ассоциации, словно кирпичи. Память сама – разновидность архитектуры.

Луиза Буржуа[1 - Луиза Буржуа (1911-2010) – американская художница родом из Франции. В основе ее творчества – травматический опыт детства.]

Промолчи о своей боли – тебя убьют и скажут, что ты наслаждалась ею.

Зора Ниэл Хёрстон[2 - Зора Ниэл Хёрстон (1891–1960) – американская писательница и антрополог афроамериканского происхождения.]

Твой разум устал. Твой разум так устал, что не в силах больше работать. Ты не думаешь. Ты погружаешься в сон. Видишь сны – день напролет. Все это тебе снится. Бесконечное, терзающее сновидение. Разве ты еще этого не поняла?

Патрик Гамильтон. Улица ангела[3 - Энтони Уолтер Патрик Гамильтон (1904–1962) – британский писатель, драматург. Его пьеса «Газовый свет» (1938) легла в основу одноименного триллера. В США пьеса шла под названием «Улица ангела».]

Дом иллюзий как увертюра

Я никогда не читаю прологи. По-моему, они скучны. Если хочешь сказать что-то важное, зачем помещать это в паратекст? Что автор пытается там скрыть?

Дом иллюзий как пролог

В эссе «Венера в двух актах», рассуждая о скудости свидетельств самих африканцев о рабстве, Саидия Хартман[4 - Саидия Хартман (р. 1960) – американская писательница, специалист по афроамериканским исследованиям.] говорит о «насилии архивов». Эта концепция (также называемая «молчанием архивов») передает одну из самых неудобоваримых для человечества истин: порой историю уничтожают, а порой она изначально остается нерассказанной – так или иначе, в нашей совокупной истории непоправимо отсутствуют некие крупные части.

Слово «архив», сообщает нам Жак Деррида, происходит от древнегреческого ??????? (читается «архейон», означает «дом правителя»). Когда я впервые узнала этимологию этого слова, меня восхитило, что в нем присутствует «дом» (я обожаю сюжеты, где есть дом с привидениями, архитектурные метафоры – моя слабость), но все же самый значимый элемент этого слова – «правитель», «власть», «авторитет». Поместить что-то в архив или не поместить – политическое решение, определяемое хранителем архива и политическим контекстом. Это справедливо и тогда, когда родители решают, что запечатлеть из раннего детства ребенка, и тогда, когда целый континент публично производит расчет со своим прошлым, как Европа и ее Stolpersteine, «камни преткновения»[5 - Камни преткновения (таблички с именами уничтоженных евреев) врезают в мостовые многих европейских городов. В России схожий проект – таблички «Последнего адреса» на домах репрессированных.]: Здесь маленький Себастьян впервые пошел, переступая пухлыми ножонками, – здесь дом, где жила Юдит, откуда мы увели ее на смерть.

Порой свидетельство вовсе не попадает в архив – либо его не сочли достаточно существенным, чтобы записать, либо, если и записали, не сочли достаточно важным, чтобы хранить. Порой документы уничтожают умышленно, как наиболее откровенную часть переписки между Элеонорой Рузвельт и Лореной Хикок: эти письма Лорена сожгла именно из-за их недостаточной осмотрительности. Почти наверняка они были эротическими, адски-лесбийскими, особенно с учетом того, что уцелело («Я изголодалась по тебе»[6 - Элеонора Рузвельт – Лорене Хикок. 17 ноября 1933.]).

Недавно умерший квир-теоретик Хосе Эстебан Муньос[7 - Хосе Эстебан Муньос (1967–2013) – американский ученый кубинского происхождения, исследователь визуальной культуры, квир-теории и пр.] подчеркивал: «У квир-людей особенно сложные отношения с прошлым... Когда историк пытается документировать квир-опыт прошлого, зачастую на пути у него стоит страж, представляющий традиционное настоящее». Что при этом упускают? Возникают лакуны, где людям не дано увидеть себя или найти информацию о себе. Прорехи, мешающие человеку осмыслить собственный контекст. Расщелины, куда человек падает – в непроницаемое молчание.

Архив без лакун – миф, он возможен лишь в теории, где-то во «Всемирной библиотеке» Борхеса, зарытый среди полной истории будущего, его снов и полуснов на рассвете 14 августа 1934 года. Но мы хотя бы попытаемся. «Как рассказывать недоступные истории?» – спрашивает Хартман и предлагает

несколько подходов: «выдвинуть ряд теоретических рассуждений», «исследовать возможности сослагательного наклонения (грамматические формы, выражающие допущения, сомнения и пожелания)», написать историю «с архивом и вопреки архиву», «вообразить то, что невозможно верифицировать».

Насилие над женщинами так же старо, как наша способность к психологической манипуляции и жестокости в отношениях, но общепринятая концепция этого насилия сложилась не более чем полвека тому назад. Разговор о домашнем насилии в однополых и квир-сообществах начался еще позже, и об этом широкой публике известно еще меньше. По мере того как мы осмысляем формы, которые принимает нынче насилие в интимной жизни, появляются все новые понятия: мужчина-жертва, женщина-насильница, квир-жертвы и квир-насильники – очередные призраки, всегда обитавшие здесь, в доме правителя. Современные ученые, писатели, мыслители обладают новыми инструментами для проникновения в тайны архивов, подобно тому, как историки и другие специалисты уже сумели применить к прошлым векам современное понимание квир-сексуальности. Задумаемся: какова же топография лакун? Где они находятся? Какой путь приведет нас к цельности? Как воздать справедливость людям, пострадавшим в прошлом, если не осталось материальных доказательств их мучений? Как направить нашу архивную работу к справедливому воздаянию?

Мемуары в основе своей – акт воскрешения. Пишущий воссоздает прошлое, реконструирует диалоги. Выжимает смысл из давно забытых событий. Месит глину воспоминаний и записей, фактов и истолкований, лепит из них единый ком, раскатывает в плоский блин. Манипулирует временем, воскрешает умерших. Помещает себя и других в необходимый контекст.

Вот что я вношу в архив: домашнее насилие среди партнеров с общей гендерной идентичностью вполне возможно и не так уж редко, и оно может выглядеть, например, так. Я говорю в тишину. Я бросаю камень своего рассказа в глубокую расселину, измеряю ее глубину тихим отголоском падения.

Часть I

Эрос вновь меня мучит истомчивый –

Горько-сладостный,

Необоримый змей[8 - Перевод В. Вересаева.].

Сапфо

Дом иллюзий как не-метафора

Полагаю, о Доме иллюзий слышали все. Ведь он существует на самом деле. Выситя неподалеку от леса, на краю лужайки. У него и фундамент есть, хотя слухи, будто в фундаменте погребены мертвецы, почти наверняка ложь. Когда-то с крепкой ветки дерева свисали качели, но теперь болтается лишь одинокая петля. Возможно, вы слышали и рассказы о хозяине дома, но, уверяю вас, это вымысел. Хозяин – не отдельный человек, а весь университет. Целый городок хозяев! Можете себе представить?

Большинство ваших предположений вполне точны. Есть и пол, и стены, и окна, и крыша. Если вы считаете, что в доме две спальни, вы одновременно и правы, и нет. Кто может утверждать, что спален всего две? Любая комната может служить спальней, достаточно поставить кровать. А порой и кровати не нужно, главное, чтобы здесь ночевали. Назначение комнаты придумывает ее обитатель. Его действия важнее замыслов архитектора.

Я затрагиваю этот вопрос потому, что важно помнить: Дом иллюзий материален. Он материален так же, как книга, которую вы держите в руках, а пугает куда меньше, чем она. Стоит мне захотеть, и я дала бы вам адрес, чтобы вы поехали туда, посидели в машине перед Домом иллюзий, попытались вообразить, что происходило внутри. Ездить туда я не советую – но вы можете. Никто вас не остановит.

Дом иллюзий как плутовской роман

До встречи с женщиной из Дома иллюзий я жила в крошечной трехкомнатной квартирке в Айове. Дом был в ужасном состоянии: развалюха для бедноты, собрание эклектичных, кошмарных деталей. Внизу было помещение – мы с соседями именовали его «комнатой убийцы»: кроваво-красные стены, пол и потолок, а в довершение потайной люк и онемевший стационарный телефон. А еще в цокольном этаже располагалась поистине лавкрафтова система отопления, простиравшая длинные щупальца во все концы дома. В сырую погоду парадная дверь набухала, словно подбитый глаз, и не желала открываться. Огромный двор был обрамлен ядовитым плющом, деревьями, подгнившим забором. Посреди чернело кострище.

Я жила с Джоном, Лорой и их котом Токио. Они были парой – бледные и длинноногие экс-жители Флориды, которые вместе учились в каком-то хипповском колледже и приехали в Айову писать дипломы. Воплощение флоридской аффектированности, эксцентричности и – в итоге – единственное, что после Дома иллюзий поможет мне не вовсе разлюбить этот штат.

Лора была похожа на кинозвезду из старых фильмов: эфирное создание, широко распахнутые глаза. Суховатая, высокомерная, с потрясающим чувством юмора, она писала стихи и собиралась получить диплом по библиотечному делу. Она и правда казалась настоящим библиотекарем, мудрым проводником общественного знания, который укажет тебе путь, куда бы ты ни шел. А Джон выглядел как помесь рокера с нашедшим Бога профессором не от мира сего. Он закручивал кимчи и кислую капусту в огромных банках и выставлял их на кухонном столе, следя за ними, как безумный ботаник; однажды он битый час пересказывал мне сюжет романа «Наоборот»[9 - «Наоборот» (A rebours, 1884; в английском переводе «Против природы») – роман французского писателя Жориса Карла Гюисманса, «библия декаданса».] во всех подробностях, включая его любимый эпизод, в котором эксцентричный и злобный антигерой инкрустирует панцирь черепахи драгоценными камнями и несчастное создание, «не в силах нести на себе вес этой ослепительной роскоши», умирает под ее бременем. При первой встрече Джон сказал мне:

– Хочешь посмотреть мою татуировку?

Я ответила:

– Да.

Тогда он сказал:

– Ладно, будет похоже, будто я показываю тебе член, но на самом деле нет, честное слово.

Он высоко задрал штанину шорт, и почти в самом паху обнаружилась сделанная без машинки татуировка перевернутой церкви.

– Это перевернутая церковь? – спросила я.

Он улыбнулся и пошевелил бровями – не похотливо, но с искренним лукавством – и уточнил:

– Это как посмотреть.

Однажды, когда Лора вышла из их комнаты в обрезанных джинсах и лифчике от купальника, Джон поглядел на нее с подлинной, незамутненной любовью и произнес:

– Ох, девонька, я бы вырыл тебе яму для водопоя.

Как полагается герою плутовского романа, достигнув совершеннолетия, я пустилась скакать из города в город, всюду обретая родственные души, большую группу опекунов, заботившихся обо мне (нежные опекуны, сердечные опекуны). Аманда, подруга из колледжа, с которой я делила кров до двадцати двух лет, – ее острый, логический ум, ровный нрав и спокойный юмор сопутствовали моему превращению из запутавшегося подростка в запутавшуюся, не вполне взрослую женщину. Анна из команды регби, красящая волосы в розовый цвет, первая вегетарианка и лесбиянка среди моих знакомых, которая способствовала моему каминг-ауту, словно благосклонная ЛГБТ-богиня. Лесли, после первого ужасного разрыва утешавшая меня сыром бри, двухдолларовым вином и общением с ее любимцами: плотно сбитая коричневая питбульша Молли облизывала мне лицо, когда я в очередной раз впадала в истерику. Все, кто читал и комментировал мой Живой Журнал, который я прилежно вела с пятнадцати до двадцати пяти лет, выворачивая кишки наизнанку перед пестрым сбродом поэтов, квиров, чудиков, программистов, фанатов компьютерных ролевиков и авторов фанфиков.

К числу таких опекунов принадлежали и Джон с Лорой. Они всегда были рядом, близки друг с другом на один лад, со мной – на другой, как с любимой сестренкой. Не то чтобы они присматривали за мной – они были героями собственной истории.

А эта история – моя.

Дом иллюзий как перпетуум-мобиле

В восемь лет во время уроков физкультуры, когда меня на бейсбольном матче отправляли в аутфилд, я играла в такую игру: устраивалась так далеко от всех, что ни один из мячей, пущенных одноклассниками, не долетал до меня, а учительница вроде не замечала, что я сижу, раздвинув ноги, в высокой траве.

Учительница, мисс Лили, была приземистой и коренастой, стриглась очень коротко, и кто-то из ребят в классе назвал ее лесбиянкой. Я тогда понятия не имела, что это значит (не уверена, что и тот мальчик знал). Шел 1994 год. Мисс Лили носила мешковатые тренировочные штаны, ярко-зеленые и лиловые пятна сливались на них в абстрактный, выколи глаз, узор. (Когда в воскресной школе мы читали историю Иосифа и его многоцветного плаща, на ум мне лезло это одеяние мисс Лили.) Синтетическая ткань шуршала на ходу, всегда можно было издали слышать приближение учительницы. Ясно помню, как она пыталась научить нас работать с разными группами мышц – она провела линию, рассекая надвое свое тело от головы и до паха. Когда рука достигла низа, детишки захихикали. Далее она показала нам, где у нас правая и где левая сторона, как включать каждую независимо, а затем в тандеме. Завращала руками, словно карусель.

– Зарядка! – твердила она, касаясь правой рукой носка левой ноги, затем левой рукой носка правой. – У вас одно лишь тело, на всю жизнь! Берегите его.

Может, она и вправду была лесбиянкой.

Сидя в траве во время бейсбольных матчей, я вырывала все сорняки в поле зрения, после чего руки пахли грязью и диким луком. Я ломала стебли

одуванчиков, дивясь липкому молочно-белому соку. Суть игры: берешь одуванчик и трешь с силой под подбородком – прямо над тонким белым шрамом, который остался после того, как я, совсем маленькая, упала в ванной, – трешь, пока цветок не начнет рассыпаться, и если подбородок пожелтеет, значит, ты влюблена.

В восемь лет я была тощая, как тростинка, и тревожная. Обычно слишком на взводе, чтобы предаться мечтам, но сидение в траве приносило мне своего рода покой. Во время уроков физкультуры я всегда брала оторванную головку одуванчика и терла ею подбородок, пока цветок не превращался в мокрый горячий шар, больше похожий на еще не распустившийся бутон.

Фокус – или шутка – в том, что желтизна всегда переходит на кожу. Одуванчик всегда отдает свой цвет. У него нет тайн, капризов, чувства самосохранения. И потому уже в детстве мы понимаем то, чего еще не можем сформулировать: диагноз не меняется. Мы всегда будем ощущать голод, всегда будем хотеть. Наши тела и умы всегда будут тянуться к чему-то – признаем мы это или нет, все равно.

И как гибель одуванчика сообщает нам нечто о нас самих, так сообщает и наша собственная гибель: наши тела – экосистемы, они отбрасывают частицы себя, замещают их и восстанавливают, куда мы не умрем. А когда умрем, наши тела накормят голодную землю, наши клетки станут частью других клеток, и в мире живых, где мы пребывали прежде, люди будут целоваться, держаться за руки, влюбляться, трахаться, смеяться, плакать, обижать друг друга, исцелять разбитые сердца, начинать войны, вытаскивать спящих детей из автокресел, орать друг на друга. Если б кто обуздал эту энергию – этот вечный, гложущий голод – мог бы с ее помощью творить чудеса. Мог бы толкать Землю, дюйм за дюймом, сквозь космос, пока планета не налетит сердцем на Солнце.

Дом иллюзий как точка зрения (упражнение)

Ты не всегда была Ты. Я была целой – симбиоз моих лучших и худших частей – а потом раскололась (в одном из смыслов этого слова): аккуратно отрезанная половина приняла форму первого лица – уверенная в себе женщина, детектив, искательница приключений – и другая, вечно вздрюченная и дрожащая, как

мелкая собачонка.

Я уехала и просто жила: перебралась на Восточное побережье, написала книгу, поселилась с красивой женщиной, вступила в брак, обитала в залитой солнцем квартире, всерьез подумывала завести собаку. Много узнала: как делать «Манхэттен», использовать в соусе крахмалистую воду из-под спагетти и рисовать – типа того.

А ты. Ты взялась за работу – проверять стандартизированные тесты. Раз в две недели на протяжении года ты ездила в Индиану – семь часов в один конец. Вторая половина твоей диссертации на степень магистра искусств – по большей части мусор. Ты рыдала на глазах у многих людей, ты пропускала чтения, вечеринки, суперлуния. Ты пыталась рассказать свою историю людям, неспособным слушать. Ты выставляла себя душой – на все лады.

Я думала, ты умерла, но сейчас, когда я пишу, я в этом не уверена.

Дом иллюзий как завязка

Ты видишь ее будним вечером, ужиная с общей знакомой в Айова-Сити в закусочной – стены там сплошь стеклянные. Она потная, только что из спортзала, светлые, почти белые волосы стянуты на затылке в короткий пучок. Ослепительная улыбка, хрипловатый голос – словно тележка ползет по щебню. Эта смесь мужественности и женственности сводит тебя с ума.

Вы со знакомой рассуждаете о телевидении. Когда она вошла, ты как раз жаловалась на сюжеты о мужчинах – сплошь мужские истории, только мужские истории нам и показывают. Она смеется и подтверждает это. Говорит тебе, мол, только что перебралась из Нью-Йорка, получает пособие по безработице и подается в магистратуру по искусству. Она тоже писательница.

Каждый раз, когда она открывает рот, что-то внутри тебя рушится. Ты почти ничего не запомнишь об этом ужине, только одно: под конец тебе так хотелось его продлить, что ты заказала чай, подумать только. Ты пьешь его – глоток кипятка и трав обжигает небо – и пытаешься не тарашиться на нее, быть

очаровательной и непринужденной, в то время как желание охватывает все твое тело. Прежде нравившиеся тебе женщины проплывали мимо, недоступные, а она дотрагивается до твоей руки и смотрит прямо на тебя, и ты чувствуешь себя как ребенок, впервые покупающий что-то за собственные деньги.

Дом иллюзий как мемориальный дворец

С улицы виден дом. Вот парадная дверь, но ты никогда неходишь через парадную дверь.

И вот вдоль дорожки все те мальчики, что обожали тебя в детстве. Колин, сын дантиста, сказавший тебе полшепотом, что у тебя красивое платье. Ты глянула вниз, проверяя, и потом весело ускакала прочь. (Кокетка, уже тогда! Твоя мать рассказала тебе эту историю: ты была так мала, что сама ее не запомнила.) Сет, который в шестом классе купил тебе новенькую книгу «Аниморфов»[10 - В серии книг Кэтрин Эпплгейт, выходивших в 1996-2001 гг., пятеро ребят и один инопланетянин, умеющие превращаться в животных, противостоят паразитам-йеркам.] – ту, где Кэсси на обложке превращается в бабочку, – и уговорил свою маму отвезти его к тебе домой, чтобы вручить подарок. Адам, твой любимый друг, он работал в местном кинотеатре и приносил домой мусорные пакеты, полные вчерашнего попкорна, и показывал тебе фильмы, которые родители никогда бы не позволили тебе смотреть: «Помни», «Танцующая в темноте», «Криминальное чтиво», «Малхолланд Драйв» и *Y Tu Mama Tambien*[11 - «Помни» (2000) – триллер режиссера Кристофера Нолана, в котором главный герой, борясь с амнезией, ищет убийц своей жены; потерей памяти страдает и героиня фильма «Малхолланд Драйв» (2001); главные герои фильма «Танцующая в темноте» (2000) – слепнувшие мать и сын; «И твою маму тоже» (2001) – история первого подросткового секса.]. Адам записал тебе столько дисков. Некоторые казались тебе нелепыми. Там была группа, уничтожившая свои инструменты перед микрофоном. Ты закатила глаза: «Какая ерунда». Но потом мама Адама взяла вас обоих в Филадельфию в январе на концерт *Godspeed You! Black Emperor*[12 - Канадская пост-рок-группа, основана в 1994 году.]. Ожидание затянулось допоздна, вы съежились вместе под одной кофтой с капюшоном. Музыка была витиеватой, калейдоскопической, невыразимо прекрасной. Ты не знала, какими словами обсуждать смесь записи и живого звука и как гармония волной перекачивается через тебя, заставляя вибрировать каждую часть тела. Ты не знала, что делать с любовью Адама, с ее постоянством и

нетребовательностью. А потом Трейси, у него был брат-близнец Тимми. Они мормоны, очень милые, и ты влюбилась в Тимми, а Трейси влюбился в тебя. Однажды ты заказала в интернете бесплатную «Книгу мормона» и в итоге два часа проговорила с молодым парнем – очень красивым, судя по голосу, – который позвонил из Солт-Лейк-Сити выяснить, откуда у тебя интерес к их религии. Ты не могла ответить: «Я заказала эту книгу, потому что влюбилась в одного из близнецов-мормонов, а второй влюбился в меня». Вместо этого ты два часа что-то бормотала про богословие, пока с сожалением не положила трубку. Но что касается близнецов – к их чувствам ты относишься подозрительно, потому что не видела причины любить тебя – ни твое тело, ни твои мысли. Столько нежности было тобой отвергнуто. Чего ты искала?

Задний двор: университет. Столько непрошенных влюбленностей и – наконец – худший на свете секс. Однажды посреди зимы ты проехала через четыре штата, чтобы переспать с мужчиной в сельской части Нью-Йорка. Было так холодно, что молочко для лица замерзло в тубике. Секс, разумеется, вышел скверный, но особенно отчетливо ты помнишь, чего хотела от той ночи. Ты хотела так распалиться желанием, чтобы проехать через четыре штата. Хотела, чтобы кто-то был тобой одержим. Как осуществить это? Всю ночь ты не спала, мешал фонарь на парковке за окном его спальни. И почему у мужчин никогда не бывает занавесок? Как добиться, чтобы тот, кого ты хочешь, захотел тебя? Почему тебя никто не любит?

Кухня: сайты свиданий – OkCupid, объявления на Craigslist. Жила в Калифорнии, пыталась встречаться с женщинами, но не получилось, потому что лесбиянки в Области залива Сан-Франциско[13 - Область залива Сан-Франциско – крупная агломерация, в которую входят в том числе города Сан-Франциско и Сан-Хосе, множество малых городов, Кремниевая долина; население около восьми миллионов человек.] подозрительно относятся к бисексуальности как таковой. А значит – длинная цепочка мужчин, милых, ужасных и старших годами. Студентов и тех, кто уже окончил университет. Астрофизик, несколько программистов. Один парень с яхтой в марине Беркли. Потом переехала в Айову, там куча отвратительных знакомств, включая мужчину, на которого ты потом натыкалась в приемной своего психотерапевта. Он играл на пианино. Возможно, учился на врача? Поди вспомни.

Гостиная, кабинет, ванная: бойфренды или почти бойфренды. Кейси, Пол, Эл. Кейси – худший из всех. Эл – самый добрый. Пол – сногшибательное совершенство: он и трахал тебя, и кормил тебя, и пытался научить любви

к Калифорнии. Он был так хорош. Ты любила пушок на его заднице, неожиданно мягкую щетину подбородка, сильные руки. Мечтала заползти внутрь него и чтобы он заполз внутрь тебя. С ним ты чувствовала себя и умной, и желанной, и сексуальной. Он порвал с тобой, потому что не любил тебя – вполне достаточная причина для разрыва, хоть в ту пору ты и мечтала умереть.

Спальня: туда не ходи.

Дом иллюзий как путешествие во времени

Один из преследовавших тебя вопросов: знание сделало бы тебя умнее – или тупее? Если бы однажды в твоей спальне замерцал млечно портал и вошла ты, но старше, и сообщила тебе то, что ты знаешь теперь, – стала бы ты слушать? Ты уверяешь себя, что стала бы слушать, но, скорее всего, врешь: ты же не слушала никого из умных и мудрых друзей, когда они признавались, что боятся за тебя, так с чего бы тебе слушать своего двойника, протиснувшегося каким-то образом из утробы времени, как протискиваются новорожденные?

Есть теория о путешествиях во времени, принцип самосогласованности Новикова: Новиков утверждает, что, будь даже путешествия во времени возможны, все равно не получилось бы возвратиться вспять и изменить уже произошедшие события. Если бы нынешняя ты могла вернуться в прошлое, ты могла бы сделать некие новые наблюдения – наблюдения, имеющие преимущества знания задним числом в режиме реального времени, – однако ты не смогла бы, к примеру, воспрепятствовать знакомству твоих родителей, потому что оно уже, по определению, произошло. Сделать это так же невозможно, утверждает Новиков, как пройти сквозь кирпичную стену. Время – его сюжет – зафиксировано.

Новиковский путешественник во времени – жалкий идиот, слишком поздно осознавший, что путешествие в прошлое раз и навсегда скрепило ту самую судьбу, которой хотелось избежать. Может быть, ты приняла голос будущей тебя, кричащей сквозь стены, за что-то иное: за стук сердца, ускоряющийся от желания, неистовый – а потом мурчанье.

Дом иллюзий как В город прибывает незнакомка

Однажды она пишет тебе эсэмэс, просит отвезти ее в аэропорт Сидар-Рапидс, где она встречает подругу. Разумеется, ты соглашаешься. Ради красивой женщины ты была готова практически на все. (Много лет назад, когда ты жила в Калифорнии, твоя потрясающе красивая коллега позвонила в семь утра, потому что ей требовалось «прикурить» от чужого аккумулятора. Десять минут – и ты выскочила из постели и уже мчалась туда, а когда открыла капот ее машины, еще и принялась внимательно рассматривать все эти механизмы, как будто в чем-то разбиралась.)

В машине ты, заболтавшись, пропускаешь съезд, проносишься мимо стриптиз-клуба, магазина мужской косметики и знака, указывающего путь в аэропорт. Добравшись наконец и припарковавшись, ты отправляешься в зал получения багажа и видишь, как эти две изящные красавицы бегут навстречу друг другу. Одна – брюнетка, другая – блондинка, словно Джейн Рассел и Мэрилин Монро. Блондинка садится, брюнетка устраивается у нее на коленях, они смеются и целуются (вот бы посмотреть такой вариант «Джентльмены предпочитают блондинок»). Ты отворачиваешься и рассматриваешь рекламу Университета Айовы.

В машине брюнетка весело, искренне смеется всем твоим шуткам. Ты незаметно поглядываешь на нее в зеркало заднего вида. Высаживаешь их в городе.

Несколько дней спустя ты говоришь с общей знакомой.

– По-моему, ты ей нравишься, – замечает она.

– Горячая штучка, – признаешь ты. – Но у нее есть пара. Я только что – буквально – забирала ее подружку из аэропорта.

– Ну да, – отвечает общая знакомая, – но у них свободные отношения. Так она мне говорила. Я просто передаю, – она вскидывает руки, изображая непричастность. – Она частенько тебя упоминает.

Твое сердце бьется в грудной клетке, словно зверек.

Дом иллюзий как лесбийская культовая классика

Вы договорились провести вечер у нее дома. Собираетесь смотреть «Отважный маленький тостер»[14 - «Отважный маленький тостер» (1987) – мультфильм о приключениях бытовых приборов в поисках мальчика-хозяина.], мультфильм, который ты в последний раз видела в детстве, но помнишь, как ты его любила и как он тебя пугал.

Вы сидите в нескольких сантиметрах друг от друга на зеленом бархатном диване, на журнальном столике потеют стаканы. Когда начинается твоя любимая сцена – сданные в утиль машины жалобно поют о прежней своей жизни, и ты понимаешь, что теперь они сделались бесполезными и вот-вот умрут, – ее указательный палец скользит по твоей ладони, и спазм желания пронзает тебя. Ты знаешь этот прием. Ты сама столько раз пускала его в ход: мол, я очень стесняюсь, не смею повернуться к тебе и сказать, чего я хочу, притворюсь, будто не вполне контролирую один-единственный блуждающий палец. Фильм заканчивается, и вы обе сидите в темноте. Нервничая, ты пускаешься болтать о пустяках:

– Знаешь, этот фильм снят по книге, которая получила «Небьюлу»? Премию...

Она целует тебя.

Наверху падаете на ее кровать. Она никогда не целует дважды в одно место. Потом спрашивает:

– Мне бы хотелось снять с тебя блузку – можно?

Ты киваешь, она делает это. Ее рука продвигается к застёжке твоего бюстгалтера.

– Это тоже можно? – спрашивает она.

Комната пахнет лавандой, или тебе так запомнилось, потому что лавандовым было ее одеяло. Каждый раз, перемещая руку, она спрашивает: «Можно?», и ты

с восторгом повторяешь: «Да», как будто волна тебя накрывает с головой и ты бы радостно так и захлебнулась – все позволяя.

Дом иллюзий как знаменитые последние слова

– Мы можем трахаться, – говорит она, – но влюбляться друг в друга нам нельзя[15 - Стит Томпсон. Указатель мотивов фольклорной литературы: классификация нарративных элементов народных сказок, баллад, мифов, басен, средневековых романов, притч, фэблио, сборников анекдотов и местных легенд (Блумингтон: Издательство Университета Индианы, 1955–1958). Тип ТЗ. Знамена в любовных историях.].

Дом иллюзий как исповедь

Она была малорослая, бледная, худая как жердь, андрогин, и невероятно гордилась своими дивными светлыми волосами. Голубые глаза, непринужденная улыбка. Теперь уже неловко признаваться, что ты восхищалась ей на странный, старомодный манер. Родом она была из Флориды, однако казалась истинной аристократкой из Новой Англии. Училась в Гарварде, щегольски выглядела в блейзерах, а уж более стильного аксессуара, чем ее обтянутая кожей набедренная фляга, тебе не доводилось видеть.

Ты всегда подозревала, что в области желаний ты не слишком изощрена, и вот оно: все эти факторы вывернули твой мозг наизнанку, вагина превратилась в желе. Может быть, ты всегда была такой, гедонистка-плюс-карьеристка, плюс-плюсовна, только не догадывалась.

Вы ровесницы, но тебе казалось, что она старше: мудрее, опытнее, более светская. Она успела поработать в издательстве, путешествовала за границей, свободно говорила по-французски. Она жила в Нью-Йорке и организовывала корпоративы для литературных журналов. И, как выяснилось, питала слабость к фигуристам – даже пухленьким – очкастым брюнеткам. Сама Богиня не подобрала бы пару удачнее!

Дом иллюзий как воплощенная мечта

Тебе нравится писать, сидя напротив нее; вы обе с азартом стучите по клавиатуре, иногда переглядываетесь, перегибаясь через мониторы ноутбуков, и забавно гримасничаете. За ужином в ресторане она заказывает сашими из тунца и кладет дольку тебе на язык. Плотный, словно губа, кусочек. Постепенно тает. Она берет мартини с водкой, тебе начинает нравиться его солоноватый вкус. Она читает твои рассказы, восхищается красотой твоих фраз. Тебе она читает вслух старый очерк – о том, как родители запрещали ей есть сладкие хлопья. Ты твердишь ей, очень часто, какая она забавная, до колик.

Дом иллюзий как удача в чистом виде

Проблема еще и в том, что ты чувствовала себя незаслуженно удачливой – ты, толстая девица со странностями. Она сделала то, чего бы ты хотела от миллиона других: не задерживаясь на случайных маркерах социальной валюты, разглядела сразу твой ум, мощнейший талант, остроумие и умение дать отпор засранцам.

Когда ты начала писать об ожирении – давным-давно, еще в Живом Журнале, – какой-то комментатор сообщил, что ты, конечно, мила, умна и прелестна, вот только, пока не схуднешь, перебирать любовников особо не надейся. Ты помнишь, как сначала возмутилась, а потом приняла реальность, практический смысл его слов. Ты так злилась на весь свет.

И когда появилась она, ты гадала, случается ли подобное с большинством людей – чтоб прямиком от нужды к удовлетворению, чтобы вот так желание обнаружило себя и было удовлетворено в разумной последовательности. Раньше такого не было, всегда выходило криво. Сколько раз ты говорила себе: «Если б я выглядела чуточку иначе, я бы утопала в любви»? И вот ты утопаешь в любви, и не пришлось менять в себе ни единой клеточки. Повезло тебе.

Дом иллюзий как путешествие в Саванну

Это была твоя идея – поехать в Джорджию на весенние каникулы. Ты никогда не бывала на юге, не бывала по-настоящему, и как раз начала писать о Джульетт Гордон Лоу[16 - Джульетт Гордон Лоу (1860–1971) создала американскую организацию девочек-скаутов.] и ее доме в Саванне. Двенадцать часов езды, пустяки. К тому же март, холод, зима затянулась. Тебе хочется на солнышко. И ты спрашиваешь ее, не поедет ли она за компанию. Она говорит «да». В торговом центре ты покупаешь новое белье.

Она садится за руль твоего автомобиля, и вы выезжаете из Айовы еще до восхода солнца. Ты почти сразу засыпаешь, а когда просыпаешься, идет снег, и она гонит на большой скорости. Ты выпрямляешься, протираешь глаза. Дорожный знак предупреждает, что полоса заканчивается, нужно вливаться в поток. Она опоздала и, пытаясь повернуть, влетает в выбоину. Взрывается шина.

Вы чуть-чуть не доехали до Сент-Луиса. Она сворачивает на обочину, ты вызываешь аварийную службу. Приезжает мастер, ставит докатку, объясняет, где по пути можно купить новую шину. Ты делаешь все так, как он посоветовал, и затем она снова садится за руль, но через несколько миль, уже на автостраде, новая шина тоже спускает. Ты заезжаешь в ремонт, предназначенный для большегрузов; ужасно смешно смотрится среди этих махин твой маленький «хёндэ» со всеми этими либеральными наклейками на бампере. Начало 2011 года, тема однополых браков тлеет, разгорается в некоторых штатах, в других искру заливают водой. Министерство юстиции заявило, что больше не будет настаивать на соблюдении Акта о защите брака[17 - Этот подписанный президентом Клинтоном федеральный закон определял брак как союз мужчины и женщины и давал право штатам не признавать однополые браки, заключенные в других штатах или государствах, где они допускались. Акт окончательно отменен в 2013 году.]. Что-то меняется.

Вы сидите и ждете. Ты заплакала – от стыда, что твой автомобильчик подвел вас в самом начале путешествия. Она извиняется, говорит, это ее вина, ты возражаешь – нет, не ее. «Машинка фиговая», поясняешь ты.

Она смеется.

– По-моему, это тоже приключение. То ли еще будет!

Механик, похоже, обратил на вас внимание. То есть обратил внимание на вашу, как он бы сказал, извращенность, она ведь зашкаливала – ваша внешность, близость ваших тел, сочетание этих признаков и наклеек на бампере, а может, он обладает шестым чувством – но, по крайней мере, обо всем этом он ничего не говорит, спасибо ему. А говорит он, что тебе продали шину всю в огромных, не заделать, дырках. Он бы поставил новую, вот только у твоего автомобиля необычные шины, редкий размер, поищите, мол, такие в большом городе. Он снова устанавливает докатку. Теперь за руль садишься ты. Где-то в Иллинойсе удастся наконец найти подходящую шину.

Ты останавливаешься на парковке перед отелем, и она, перегнувшись через спинку сиденья, целует тебя. Целует верхнюю губу, потом нижнюю, как будто каждая из них заслуживает особой нежности. Потом откидывается на спинку сиденья и смотрит на тебя – пристально, задумчиво, как на картину. Гладит твоё запястье – внутреннюю сторону, где кожа тоньше. Ты чувствуешь, как твоё сердце бьется где-то далеко, словно за стеклом.

– Не могу поверить, что ты выбрала меня, – говорит она.

В номере она стаскивает с тебя новые трусы и зарывается лицом промеж твоих бедер.

Саванна – теплая, душистая. На деревьях испанский мох, в фонтанах вода подкрашена зеленым ко Дню святого Патрика. Дом Джульетт Гордон Лоу – красивый, беспорядочно выстроенный особняк, наполненный антиквариатом.

Под вывеской у входа «Здесь родилась Джульетт Гордон Лоу» она обжимается с тобой во все более забавных позах, и, входя внутрь, вы обе хихикаете. Пожилые женщины-смотрительницы, все накрашенные, словно трансвеститы, с подведенными глазами, в глухом молчании выслушивают ваши восклицания – как, мол, вам нравится сама идея герлскаутов.

Экскурсия потрясающая. Джульетт, думаешь ты, видимо, была лесби. Гид рассказывает, что она терпеть не могла свой дом – мебель, ворота – и взялась сама их переделывать. Научилась ковать железо. Почему ты принимаешь за лесби всех женщин с характером, которые не желают подчиняться правилам? Психиатр повеселился бы от души, выявляя причину твоих иллюзий (впрочем, в твою пользу говорит ее портрет на стене – в мужской рубашке с пуговицами на

воротнике и в шляпе егеря она уж точно выглядит самой заправской лесби).

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Луиза Буржуа (1911–2010) – американская художница родом из Франции. В основе ее творчества – травматический опыт детства.

2

Зора Ниэл Хёрстон (1891–1960) – американская писательница и антрополог афроамериканского происхождения.

3

Энтони Уолтер Патрик Гамильтон (1904–1962) – британский писатель, драматург. Его пьеса «Газовый свет» (1938) легла в основу одноименного триллера. В США пьеса шла под названием «Улица ангела».

4

Саидия Хартман (р. 1960) – американская писательница, специалист по афроамериканским исследованиям.

5

Камни преткновения (таблички с именами уничтоженных евреев) врезают в мостовые многих европейских городов. В России схожий проект – таблички «Последнего адреса» на домах репрессированных.

6

Элеонора Рузвельт – Лорене Хикок. 17 ноября 1933.

7

Хосе Эстебан Муньос (1967–2013) – американский ученый кубинского происхождения, исследователь визуальной культуры, квир-теории и пр.

8

Перевод В. Вересаева.

«Наоборот» (A rebours, 1884; в английском переводе «Против природы») – роман французского писателя Жориса Карла Гюисманса, «библия декаданса».

В серии книг Кэтрин Эпплгейт, вышедших в 1996-2001 гг., пятеро ребят и один инопланетянин, умеющие превращаться в животных, противостоят паразитам-йеркам.

«Помни» (2000) – триллер режиссера Кристофера Нолана, в котором главный герой, борясь с амнезией, ищет убийц своей жены; потерей памяти страдает и героиня фильма «Малхолланд Драйв» (2001); главные герои фильма «Танцующая в темноте» (2000) – слепнувшие мать и сын; «И твою маму тоже» (2001) – история первого подросткового секса.

Канадская пост-рок-группа, основана в 1994 году.

Область залива Сан-Франциско – крупная агломерация, в которую входят в том числе города Сан-Франциско и Сан-Хосе, множество малых городов, Кремниевая долина; население около восьми миллионов человек.

14

«Отважный маленький тостер» (1987) – мультфильм о приключениях бытовых приборов в поисках мальчика-хозяина.

15

Стит Томпсон. Указатель мотивов фольклорной литературы: классификация нарративных элементов народных сказок, баллад, мифов, басен, средневековых романов, притч, фаблю, сборников анекдотов и местных легенд (Блумингтон: Издательство Университета Индианы, 1955–1958). Тип ТЗ. Знамена в любовных историях.

16

Джюльетт Гордон Лоу (1860–1971) создала американскую организацию девочек-скаутов.

17

Этот подписанный президентом Клинтоном федеральный закон определял брак как союз мужчины и женщины и давал право штатам не признавать однополые браки, заключенные в других штатах или государствах, где они допускались.

Акт окончательно отменен в 2013 году.

Купить: https://tellnovel.me/ru/machado_karmen-mariya/dom-illyuziy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)